

Алекс Скай

Северный
бор

Тышка
на миллион
или Босс идёт лесом

Алекс Скай

**Пышка на миллион,
или Босс идёт лесом**

«Автор»

2026

Скай А.

Пышка на миллион, или Босс идёт лесом / А. Скай — «Автор»,
2026

Я всего лишь приехала провести элитную презентацию в загородном комплексе Северный бор. Красивое платье, микрофон, богатые гости, скучный сценарий и босс, который решил, что пышная ведущая слишком яркая для его премиального бренда. Ошибка номер один. Потому что я не умею быть бежевой. Ошибка номер два — он попытался мной командовать. Ошибка номер три — всё это попало на видео. Теперь интернет требует продолжения, клиенты хотят ту самую пышку, а Марк Волков — богатый, холодный и невыносимо красивый владелец комплекса — предлагает мне контракт. Я должна стать лицом его кампании. Он думает, что сможет держать всё под контролем. Но я не рекламная тумбочка, не удобная девочка и точно не женщина, которую можно купить миллионом за молчание. А если боссу что-то не нравится Что ж. Босс идёт лесом.

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пышка зашла не в тот лес	5
Глава 2. Миллион за молчание	15
Глава 3. Контракт с невыносимым боссом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пышка на миллион, или Босс идёт лесом

Глава 1. Пышка зашла не в тот лес

Я поняла, что вечер пойдёт не по плану, когда навигатор торжественно сообщил: “Вы прибыли”, а вокруг меня были только сосны, темень и указатель “Северный бор. Для гостей премиум-класса”.

Премиум-класс, видимо, начинался сразу за шлагбаумом, потому что до него дорога выглядела так, будто её проектировал человек, ненавидящий подвеску, водителей и женщин на каблуках. Моя маленькая красная машина честно подпрыгнула на последней кочке, в багажнике что-то трагически звякнуло, а я, держась за руль, сказала вслух:

— Варвара Румянцева, если после этого мероприятия тебе не заплатят вовремя, ты выйдешь замуж за эвакуаторщика. У него хотя бы работа стабильная.

Телефон на пассажирском сиденье тут же пискнул сообщением от моей подруги и по совместительству менеджера по здравому смыслу.

“Ты доехала? Не поругайся там ни с кем. Клиент жирный”.

Я посмотрела на себя в зеркало заднего вида.

Кудри после дороги жили собственной жизнью, помада держалась героически, а платье цвета спелой вишни сидело на мне так, что любая женщина с нормальным отношением к зеркалу сказала бы: “Варя, ты огонь”. Любая женщина с плохим отношением к чужим размерам сказала бы что-нибудь вроде: “Смело”. Я таких женщин обычно благодарила за наблюдательность и спрашивала, не тяжело ли им жить с лицом таблички “скидок нет”.

Я была пышкой. Не “слегка аппетитной”, не “девушкой с формами, но она старается”, не “ей бы чуть-чуть”. Я была нормальной большой женщиной с грудью, бёдрами, талией, которую я любила в удачные дни и вела с ней переговоры в неудачные. И ещё я была ведущей мероприятий. То есть человеком, который должен улыбаться, когда жених забыл кольца, свекровь требует микрофон, а директор корпоратива после третьего тоста начинает доказывать, что он в душе певец.

Сегодня у меня было элитное открытие нового сезона загородного комплекса “Северный бор”. Богатые гости, инвесторы, журналисты, блогеры, шампанское с пузырьками дороже моей зимней резины и презентация новой концепции отдыха “для тех, кто выбирает исключительное”.

Я не выбирала исключительное. Я выбирала гонорар.

Шлагбаум поднялся после того, как охранник долго изучал моё лицо, список гостей и мою машину с таким видом, будто красная “Киа” оскорбляла семейные ценности его поста.

— Вы артист? — спросил он наконец.

— Ведущая.

— Проезжайте к служебному входу.

— А если я хочу почувствовать себя гостем премиум-класса?

Он посмотрел на машину.

— Тогда лучше пешком.

— Спасибо. Вы только что стали лицом сервиса.

Он не понял, но на всякий случай не улыбнулся.

Дальше всё стало красивее и раздражительнее. За поворотом лес расступился, и между соснами возник комплекс: стекло, дерево, подсвеченные дорожки, коттеджи с панорамными окнами, главный корпус с террасой и вывеской, на которой сияли строгие буквы “Северный бор”. Всё выглядело так дорого, что я невольно выпрямилась. Не потому, что комплекс меня

впечатлил. Просто в таких местах моя спина сама включала режим “девочка из обычного района тоже умеет заходить красиво”.

У служебного входа меня встретила девушка с планшетом, тонкая, как зарядка от телефона, и такая нервная, будто её уже три раза ругали за неправильное направление ветра.

— Варвара Румянцева? — спросила она.

— Можно Варя. Но если сейчас выяснится, что гримёрка находится в соседней области, можно и Варвара Павловна.

— Я Аня, координатор. Проходите, пожалуйста, быстро. У нас изменения.

Я насторожилась.

У ведущих на мероприятиях есть три фразы, после которых хочется снять каблуки и бежать: “небольшая задержка”, “заказчик чуть-чуть поправил сценарий” и “у нас изменения”. Последнее обычно означало, что вместо лёгкого вечера с тремя блоками мне сейчас вручат двадцать пять страниц текста, где нужно будет с выражением произнести “уникальная синергия природного уединения и инвестиционной привлекательности”.

— Какие изменения? — спросила я, идя за Аней по коридору.

— Генеральная презентация переносится на начало. Господин Волков хочет, чтобы всё было строго по таймингу. Никаких импровизаций. Никаких шуток про деньги, лес, инвесторов, бывших, настоящих, будущих, брак, развод и рыбалку.

Я остановилась.

— Простите, а что тогда остаётся? Погода?

— Про погоду тоже не надо. В прошлом году ведущий сказал, что дождь — это “слёзы бухгалтерии”, и господин Волков не оценил.

— Господин Волков вообще что-нибудь оценивает, кроме тишины?

Аня посмотрела на меня так, будто я вслух сказала пароль от ядерного чемоданчика.

— Пожалуйста, не при нём.

— Он страшный?

— Он... требовательный.

— То есть страшный, но в дорогом костюме.

Аня не ответила, и это было ответом.

Меня завели в маленькую комнату за сценой. Там стояло зеркало, стол с водой, фруктами, сценарий в папке и вешалка с каким-то бежевым пиджаком.

Я посмотрела на пиджак.

Пиджак посмотрел на меня.

Размер у него был такой, будто дизайнер видел женщин только на схемах эвакуации.

— Это что? — спросила я.

Аня покраснела.

— Для ведущих. Дресс-код комплекса. Нейтральный природный стиль.

— А мой вишнёвый стиль кому помешал? Белкам?

— Просто господин Волков просил, чтобы ведущая не отвлекала внимание от бренда.

Я медленно повернулась к зеркалу. Вишнёвое платье действительно отвлекало. На меня. На жизнь. На то, что в мире существует не только дерево, стекло и мужчины, которые считают бежевый цвет признаком характера.

— Аня, — сказала я ласково. — Передайте господину Волкову, что если он хотел ведущую, которая не отвлекает внимание, надо было нанять напольную вазу.

— Я не могу ему это передать.

— Тогда я могу лично.

— Не надо! — почти вскрикнула она.

Я вздохнула и взяла сценарий.

Первые три страницы были ещё терпимыми: приветствие гостей, несколько слов о комплексе, благодарность партнёрам. На четвёртой начиналась речевая диета для души: “пространство нового уровня”, “инвестиция в качество жизни”, “точка притяжения для тех, кто умеет выбирать лучшее”. На шестой я нашла фразу “лес отвечает на запрос современного человека к внутренней тишине” и поняла, что если скажу это со сцены, сосны подадут коллективную жалобу.

— Варя, через десять минут выход, — сказала Аня, проверяя планшет.

— Я могу немного оживить текст?

— Нет.

— Совсем немного. Чтобы гости не ушли в кому от премиального уюта.

— Господин Волков сказал строго по сценарию.

— А господин Волков будет на сцене?

— Да. После вашего вступления.

— Тогда пусть сам скажет про внутреннюю тишину. У него, судя по всему, её полный склад.

Аня закрыла глаза на секунду. Я почти пожалела её. Почти. Но потом снова посмотрела на бежевый пиджак и решила, что жалость — роскошь для людей, которым не предлагают стать мебелью.

За сценой суетились официанты, технари, фотографы. В зале уже слышались голоса гостей. Я выглянула через боковой проход и увидела ту самую публику, для которой обычно делают дорогие презентации: мужчины в костюмах, женщины в платьях, люди с бокалами, улыбками и лицами, на которых написано: “Я знаю цену всему, кроме чужого труда”.

Сцена была установлена на открытой террасе. За ней темнел настоящий лес, подсвеченный мягкими огнями. Выглядело красиво, честно. Если бы не экран с логотипом и не столик с образцами рекламных буклетов, можно было бы поверить, что место создано для отдыха, а не для того, чтобы богатые люди говорили “мы выезжаем на природу”, не встречая ни комаров, ни других неприятных напоминаний о природе.

Я уже собиралась вернуться в комнату, когда в проходе появился мужчина.

Высокий, широкоплечий, в тёмном костюме без галстука. Волосы тёмные, взгляд серый, лицо такое спокойное, что сразу хотелось проверить, не штрафует ли он людей за эмоции. Он говорил по телефону, но увидев меня, остановился.

Я машинально улыбнулась.

Профессиональная привычка: увидел человека — улыбнись, пока он не доказал, что не заслуживает.

Он доказал быстро.

— Вы ведущая? — спросил он, окинув меня взглядом.

Не хамским. Это было бы проще. Скорее оценивающим, как будто он проверял, соответствует ли я смете.

— Нет, я дух леса. Вышла посмотреть, кто тут внутреннюю тишину распугивает.

Он не улыбнулся.

Совсем.

Я внутренне вздохнула. Красивый мужчина без чувства юмора — это как дорогой торт без начинки. Вроде смотришь, а радости нет.

— Дресс-код обсуждали с вами? — спросил он.

— Со мной много что обсуждали. Например, в детстве бабушка обсуждала, что надо есть суп. Но я выросла самостоятельной женщиной и теперь выбираю, какие травмы тащить во взрослую жизнь.

Его взгляд опустился на моё платье.

— Цвет слишком яркий.

— Спасибо. Я старалась.

— Это не комплимент.

— А я и не обещала реагировать правильно.

У мужчины чуть напряглась челюсть. Видимо, где-то в его внутренней системе управления людьми загорелась красная лампочка: “Объект не подчиняется”.

— Вам выдали пиджак.

— Видела. Прекрасная вещь. Можно накрыть им столик или чьё-нибудь плохое настроение.

— Наденьте.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Простите, вы кто?

— Человек, который отвечает за порядок мероприятия.

— А, администратор.

Пауза получилась странная.

Он мог бы поправить меня. Мог бы сказать своё имя. Мог бы объяснить, что он не администратор, а кто-то сильно выше по пищевой цепочке. Но вместо этого просто сказал:

— Можно и так.

Вот тут я сделала первый неверный вывод.

В мою защиту: мужчина стоял в служебной зоне, разговаривал командным тоном и требовал надеть пиджак. В таких обстоятельствах обычная женщина имеет право принять его за администратора с синдромом главного ключника.

— Отлично, — сказала я. — Тогда как человек, отвечающий за порядок, вы должны понимать: если я выйду в этом пиджаке, гости решат, что у вашего комплекса проблемы не только с внутренней тишиной, но и с размерами реальных женщин.

Он чуть прищурился.

— Реальных?

— Да. Нас много. Мы едим, смеёмся, покупаем платья, ведём мероприятия и иногда отказываемся становиться бежевыми ради чужого спокойствия.

— У нас премиальный бренд.

— Тогда радуйтесь. Я добавляю ему человеческое лицо.

— Бренду не нужно человеческое лицо. Ему нужна управляемость.

Я посмотрела на него с искренним сочувствием.

— Скажите честно, вас в детстве обнимали по расписанию?

Он молчал.

Аня, появившаяся за его спиной, стала похожа на человека, который мысленно пишет завешание.

— Варя... — прошептала она.

Мужчина убрал телефон в карман.

— Вы выйдете по сценарию. Без импровизаций. Без самостоятельности. Без попыток сделать из презентации цирк.

— А если гости заскучают?

— Гости пришли не за вами.

— Вот тут вы ошибаетесь. Если ведущий хороший, гости всегда немного приходят за ним. Даже если думают, что пришли за канапе.

Он сделал шаг ближе. Не угрожающе, нет. Просто его присутствие вдруг заняло слишком много пространства. Я поняла, что он из тех мужчин, которые привыкли выигрывать разговор не громкостью, а давлением. Подойдёт, посмотрит, замолчит — и люди сами начинают извиняться за своё существование.

Я не начала.

Во-первых, у меня был опыт. Во-вторых, платье сидело прекрасно. В-третьих, если бы я извинялась перед каждым красивым мужчиной с тяжёлым взглядом, у меня бы не осталось времени зарабатывать.

— У вас контракт, — сказал он. — Выполните его.

— У меня контракт на ведение мероприятия, а не на изображение декоративного куста.

— Вы всегда так разговариваете с заказчиками?

— Только когда заказчики начинают разговор с моего платья.

— Я начал с дресс-кода.

— А закончили моим терпением.

Он посмотрел на меня долго. Очень долго. Так, будто пытался решить, что со мной делать: уволить, заменить, закопать под премиальной сосной или всё-таки выпустить на сцену, потому что времени уже нет.

Сцена победила.

— У вас пять минут, — сказал он. — Если вы сорвёте презентацию, последствия будут за ваш счёт.

— А если спасу?

— Не сорвите — уже будет достижение.

— Ничего себе мотивация. Вам бы детские утренники вести. “Дорогие дети, если не испортите праздник, я не разочаруюсь окончательно”.

Аня издала звук, похожий на подавленный писк.

Мужчина развернулся и ушёл, оставив после себя запах дорогого парфюма и ощущение, что по коридору только что прошёл не администратор, а налоговая проверка в человеческом виде.

— Варя, — сказала Аня почти без голоса. — Зачем?

— Что зачем?

— Вы с ним спорили.

— А надо было поклониться пиджаку?

— Это... — Она осеклась, потом почему-то передумала. — Просто, пожалуйста, строго по сценарию.

Я взяла микрофон.

— Конечно.

Это была ложь.

Но не совсем. Я действительно собиралась начать по сценарию. Просто не обещала, что сценарий переживёт знакомство со мной.

Когда меня объявили, я вышла на сцену под музыку, улыбнулась гостям и поймала знакомое ощущение: свет, взгляды, микрофон в руке, секунда тишины перед первой фразой. Я любила эту секунду. В ней ещё всё возможно. Гости ещё не знают, понравлюсь я им или нет. Заказчик ещё надеется, что всё будет как в папке. А я уже чувствую, кто сидит в первом ряду, где скучают, где ждут повода улыбнуться, где пришли только ради деловых связей, а где женщина в серебристом платье явно мечтает снять туфли и сбежать к десертам.

— Добрый вечер, дорогие гости, — начала я. — Добро пожаловать в “Северный бор”, место, где лес отвечает на запрос современного человека к внутренней тишине.

Я выдержала паузу.

Гости послушно молчали.

— Да, я тоже сначала испугалась этой фразы, — призналась я. — Но потом решила: если лес действительно отвечает на запрос, главное — не спрашивать его про ипотеку, бывших и цены на хорошие помидоры. Пусть отдыхает.

В зале раздался первый смех.

Не громкий. Но живой.

Я краем глаза увидела у сцены того самого “администратора”. Он стоял неподвижно. Прекрасно. Пусть лес тоже ответит ему что-нибудь о гибкости.

— Сегодня мы открываем новый сезон “Северного бора”, — продолжила я уже ближе к тексту. — Здесь соединились природа, комфорт и тот редкий вид роскоши, когда вам никто не говорит: “Ну что вы, шашлык можно и на табуретке у мангала”. Здесь, как я поняла, даже сосны стоят по предварительному согласованию с дизайнером.

Смех стал громче.

Кто-то в первом ряду улыбнулся. Женщина в серебристом платье одобрительно подняла бокал. Я почувствовала, как зал начинает теплеть. Не пафосом. Человеческой реакцией.

Первые пять минут прошли отлично.

Я представила комплекс, поблагодарила гостей, обыграла пару неловких фраз из сценария так, чтобы они перестали звучать как буклет для людей без души. Даже “уникальная синергия” выжила, потому что я назвала её “официальным способом сказать, что тут красиво, дорого и хочется остаться до понедельника”.

Гости смеялись.

Фотографы снимали.

Аня за сценой постепенно возвращалась к жизни.

И именно в тот момент, когда я должна была пригласить на сцену “основателя и руководителя проекта”, случилось оно.

На экран за моей спиной вывели не тот слайд.

Вместо строгого видео о комплексе там вдруг появилась запись с камеры у служебного входа. Я увидела себя — крупно, в вишнёвом платье, рядом с тёмным мужчиной, который требовал надеть бежевый пиджак.

Звук включился не сразу, но картинка уже была достаточно выразительной: я руками показывала, кажется, размеры реальных женщин, мужчина стоял как памятник контролю, Аня на заднем плане выглядела готовой переселиться в другую страну.

Зал замер.

Я тоже.

Где-то за сценой кто-то тихо сказал очень плохое слово. Точнее, слово было обычное, но интонация обещала увольнения.

Потом включился звук.

— ...если я выйду в этом пиджаке, гости решат, что у вашего комплекса проблемы не только с внутренней тишиной, но и с размерами реальных женщин, — произнесла экранная я.

В зале кто-то фыркнул.

Я на сцене медленно повернулась к экрану. Отлично. Просто чудесно. Обычно на мероприятиях ведущая срывает программу сама, а тут техника решила помочь.

На записи мужчина сказал:

— У нас премиальный бренд.

А я ответила:

— Тогда радуйтесь. Я добавляю ему человеческое лицо.

Зал засмеялся уже открыто.

Тот самый мужчина у сцены повернулся к технике. Одного его взгляда хватило бы, чтобы монитор сам ушёл в отставку. Но запись не выключалась.

И дальше прозвучало главное.

— Бренду не нужно человеческое лицо. Ему нужна управляемость, — сказал он.

Экранная я посмотрела на него с сочувствием и произнесла:

— Скажите честно, вас в детстве обнимали по расписанию?

Зал взорвался.

Не аплодисментами. Смехом.

Настоящим, неконтролируемым, живым. Смехом людей, которые пришли слушать презентацию дорогого леса, а получили внезапный сериал с красивым злым мужчиной и пышкой в вишнёвом платье, которая явно не собиралась становиться бежевой.

Я стояла на сцене и понимала две вещи.

Первая: это катастрофа.

Вторая: если катастрофу нельзя остановить, её нужно возглавить.

Я подняла микрофон.

— Дорогие гости, вы только что увидели эксклюзивный фрагмент нашей новой концепции: “Северный бор. Место, где даже конфликт с администратором выглядит кинематографично”.

Смех усилился.

Мужчина у сцены медленно повернулся ко мне.

Ох, как он посмотрел.

Если бы взглядами можно было выставить счета, я бы уже была должна ему три коттеджа, ресторан и половину парковки.

— А теперь, — продолжила я, пока техники наконец пытались выключить запись, — я должна строго по сценарию пригласить на сцену человека, который отвечает за порядок, стратегию и, возможно, за то, чтобы бежевые пиджаки больше не травмировали ведущих. Но перед этим хочу сказать: если вас когда-нибудь попросят быть удобнее, тише и менее заметной, помните — иногда именно ваше “слишком” спасает вечер.

Женщины в зале заплодировали первыми.

Потом присоединились мужчины.

Не все, конечно. Некоторые мужчины хлопали с лицами, будто подписывали акт капитуляции юмору. Но хлопали.

Я повернулась к мужчине у сцены и с самой лучезарной улыбкой произнесла:

— Приглашаю на сцену представителя команды “Северного бора”, человека строгого, загадочного и, как мы уже выяснили, большого поклонника управляемости. Прошу!

Он поднялся.

Спокойно.

Слишком спокойно.

Я знала этот тип спокойствия. Так выглядят люди, которые уже мысленно уволили всех, кто был рядом с розеткой.

Он подошёл ко мне, взял второй микрофон у Ани, которая, кажется, окончательно рассталась с надеждой на счастливую старость, и встал рядом.

Вживую он оказался ещё выше, чем в коридоре. От него исходило такое плотное напряжение, что у ближайших гостей, наверное, сами собой выпрямились спины.

— Благодарю, — сказал он в микрофон.

Голос низкий. Ровный. Опасно приятный.

Зал притих.

— За... нестандартное вступление.

Я улыбнулась шире.

— Всегда пожалуйста. Это входит в пакет “не скучно”.

Он посмотрел на меня.

— Я заметил.

Несколько гостей снова засмеялись.

Он перевёл взгляд на зал, и смех постепенно стих. Надо признать: говорить он умел. Без суеты, без лишних жестов, коротко и точно. За несколько минут он вернул презентацию в деловое русло, рассказал о комплексе, о планах, о новых площадках, о том, что “Северный

бор” должен стать местом, где люди возвращаются к себе. Я слушала и нехотя признавала: если убрать его любовь к контролю и бежевому, мужчина был чертовски хорош.

Уверенный.

Собранный.

С таким голосом можно было продавать коттедж у болота, и люди бы соглашались, потому что болото внезапно начинало казаться перспективным природным активом.

Но потом он снова свернул не туда.

— Мы строим пространство для людей, которые ценят качество, приватность и безупречный сервис, — сказал он. — Здесь нет места случайности.

Я не выдержала.

— Кроме меня, — добавила я в микрофон.

Зал снова рассмеялся.

Он повернул голову.

— Кроме вас.

— Видите? Уже прогресс. Бренд принял человеческое лицо.

— Бренд пока присматривается.

— Передайте бренду, что я тоже.

Он задержал взгляд на мне на секунду дольше, чем требовалось для приличия. И вот тут впервые что-то изменилось. Я ожидала раздражения. Холодной злости. Команды техникам выключить мне микрофон и вывезти вместе с бежевым пиджаком.

А он вдруг почти улыбнулся.

Почти — это важно. Улыбка была еле заметная, короткая, будто он сам себе её не разрешал. Но я увидела.

И, к собственному неудобству, почувствовала интерес.

Не романтический. Конечно нет. Я была профессионалом. Он был невыносим. Я вообще пришла работать.

Но красивый злой мужчина, который пытается не улыбнуться, — это нечестный приём со стороны вселенной.

Презентацию мы закончили вместе. Я сглаживала паузы, он выдавал цифры и планы. Я шутила, он делал вид, что терпит. Гости реагировали лучше, чем любые рекламные материалы могли мечтать. Фотографы снимали нас так активно, будто мы не презентовали комплекс, а только что объявили помолвку между хаосом и контролем.

После финальных аплодисментов я уже почти поверила, что всё обошлось.

Глупая женщина.

Стоило мне сойти со сцены, как Аня подлетела ко мне с лицом человека, который увидел конец света в формате вертикального видео.

— Варя, — прошептала она. — Это уже в сети.

— Что именно?

Она протянула телефон.

На экране был ролик. Тот самый кусок из служебной зоны, только уже обрезанный, с крупными субтитрами и музыкой. Я спорила с “администратором”, говорила про реальные размеры женщин, потом с сочувствием спрашивала про обнимания по расписанию. Под видео уже бежали комментарии.

“Кто эта богиня?”

“Вишнёвая женщина вынесла душилу”.

“Хочу её на все корпоративы”.

“Администратор красивый, но пусть реально идёт лесом”.

Я зажмурилась.

— Сколько просмотров?

— Было три тысячи минут назад. Сейчас семь.

— Семь тысяч — это ещё не катастрофа.

Аня сглотнула.

— Семнадцать.

Я открыла глаза.

— Уже катастрофа с перспективами.

За моей спиной прозвучал тот самый низкий голос:

— Покажите.

Я медленно обернулась.

Он стоял рядом. Спокойный. Очень спокойный. Такое спокойствие обычно бывает у чайника за секунду до свиста.

Аня протянула ему телефон с видом человека, отдающего любимого питомца волкам.

Мужчина посмотрел ролик.

Потом комментарии.

Потом снова ролик.

На моменте, где я говорила “вас в детстве обнимали по расписанию”, у него дрогнул уголок губ. Но, возможно, мне просто захотелось жить.

— Кто выложил? — спросил он.

— Не знаю, — прошептала Аня. — Возможно, кто-то из техников. Или гостей. Там экран снимали десятки людей.

— Удалить.

— Мы попробуем, но его уже перезаливают.

Он вернул телефон.

— Найдите PR-директора. Сейчас.

Аня исчезла.

Я осталась с ним одна в боковом проходе, если не считать официанта, который сделал вид, что срочно изучает стену.

— Ну, — сказала я. — Зато презентация точно запомнится.

Он посмотрел на меня.

— Вы понимаете, что только что произошло?

— Примерно. Интернет получил женщину в платье, мужчину с проблемами управляемости и лес. Обычно для вирусности хватает котика, но мы справились без животных.

— Это удар по репутации.

— Зависит от того, как подать.

— Вы ещё и специалист по репутации?

— Нет, но я человек. И как человек говорю: гости смеялись не над комплексом. Они смеялись потому, что впервые увидели в вашей дорогой картинке живых людей.

Он молчал.

Я тоже могла бы замолчать. Достоинно, профессионально, пока мне не выставили счёт за моральный ущерб соснам. Но у меня рот иногда работает быстрее инстинкта самосохранения.

— Знаете, в чём ваша проблема?

— Уверен, вы скажете.

— Вы так боитесь потерять контроль, что у вас даже отдых выглядит как совещание на свежем воздухе.

Он чуть наклонил голову.

— А ваша проблема?

— Я пышка в вишнёвом платье, которая спорит с администраторами на камеру. Мои проблемы очевидны и хорошо монетизируются.

— Я не администратор.

— Да? А кто?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

На этот раз пауза была другой.

Не раздражённой. Почти торжественной.

И очень неприятной для моей самооценки.

— Марк Волков, — сказал он. — Владелец “Северного бора”.

Мир не рухнул.

Он просто сел рядом, достал блокнот и начал записывать: “Варя, поздравляю. Ты отправила лесом миллиардера. На его же сцене. При гостях. Под запись”.

Я медленно повернулась к залу, потом обратно к нему.

— То есть... вы не администратор.

— Нет.

— И пиджак был не просто личной инициативой человека, отвечающего за порядок.

— Нет.

— И последствия будут за мой счёт?

Он убрал руки в карманы.

— Теперь уже за наш общий.

Я не сразу нашла, что ответить. Такое со мной случалось редко, поэтому момент можно было считать историческим.

Телефон Ани, забытый на столике рядом, снова пискнул. Экран вспыхнул уведомлением. Ролик уже набрал пятьдесят тысяч просмотров.

В комментариях крупно мелькнула новая подпись:

“ПЫШКА ОТПРАВИЛА БОССА ЛЕСОМ. ХОЧУ ПРОДОЛЖЕНИЕ”.

Марк Волков прочитал это одновременно со мной.

Потом медленно повернулся.

— Продолжения не будет, — сказал он.

Я посмотрела на его идеально спокойное лицо, на сжатую челюсть, на глаза мужчины, который ещё не понял главного: если интернет захотел продолжение, даже лесу придётся подвинуться.

— Конечно, — ответила я. — Как скажете, босс.

И где-то в этот момент, судя по его взгляду, он впервые пожалел, что в “Северном бору” вообще есть женщины, микрофоны и Wi-Fi.

Глава 2. Миллион за молчание

— Как скажете, босс, — произнесла я и почти сразу поняла: зря.

Не потому, что боялась Марка Волкова. Боязнь — вообще слишком щедрое чувство для мужчины, который пять минут назад оказался не администратором, а владельцем всего этого стеклянно-деревянного королевства с подсветкой сосен и ценами, от которых у обычных людей начинает нервно смеяться кошелек. Просто некоторые фразы, как коты, если их впускать, потом живут своей жизнью и не спрашивают разрешения.

Телефон Ани снова пискнул.

На экране ролик уже набрал семьдесят две тысячи просмотров.

Я посмотрела на цифру, потом на Марка.

— Ну вот, — сказала я. — Продолжения пока нет, но тизер уже идёт хорошо.

— В кабинет, — сказал он.

Голос у него был ровный. Даже слишком. Так люди говорят, когда очень хотят не повысить тон, потому что рядом гости, фотографы, официанты, пара инвесторов и женщина в вишнёвом платье, которая только что публично превратила элитную презентацию в комедийный сериал с названием “Босс против пышки”.

— Простите, это приглашение или этап выселения? — уточнила я.

— Разговор.

— У вас разговоры всегда звучат как объявление приговора?

Он посмотрел на меня. Не грубо, не высокомерно. Внимательно. И вот это было хуже. Мужчины, которые смотрят свысока, раздражают. Мужчины, которые смотрят так, будто уже просчитали пять вариантов твоего поведения и выбирают, какой дешевле, — настораживают.

— Поверьте, Варвара, если бы это был приговор, вы бы поняли.

— Как приятно. Человек умеет создавать уют даже угрозой.

— Я не угрожаю.

— Тогда потренируйте лицо. Оно не в курсе.

Где-то сбоку официант подавился воздухом и поспешно ушёл с подносом, хотя бокалы на нём даже не дрожали. Профессионал. Я бы тоже ушла, если бы могла.

Но мой гонорар всё ещё находился где-то между “сейчас подпишем акт” и “поговорим после мероприятия”. А если в моей профессии уйти до разговора о деньгах, можно потом годами рассказывать друзьям красивую историю о достоинстве и параллельно есть макароны без соуса.

Марк развернулся и пошёл по коридору.

Я пошла следом.

Не потому, что он приказал. А потому, что мне было интересно, сколько именно стоит отправить миллиардера лесом при свидетелях. Внутренний бухгалтер во мне поднял голову и достал калькулятор.

За спиной ещё шумел зал. Гости смеялись, обсуждали презентацию, фотографировались у панорамных окон. Казалось, вечер удался. Даже больше — он стал живым. Но сотрудники “Северного бора” бегали с такими лицами, будто кто-то случайно выпустил на волю не вирусный ролик, а стадо кабанов в ресторан высокой кухни.

Аня догнала нас у лифта.

— Марк Андреевич, PR-директор уже едет. Она была на трассе, будет через пятнадцать минут. Техники говорят, запись в общий эфир попала из-за переключения резервного канала, но кто-то из гостей снял экран и выложил первым. Мы нашли три перезалива, нет, уже пять, нет...

Она посмотрела в телефон и побледнела.

— Двенадцать.

— Аня, дышите, — сказала я. — Интернет чувствует панику и размножается.

Марк нажал кнопку лифта.

— Найдите того, кто вывел запись на экран.

— Уже ищем.

— Не “ищем”. Найдите.

— Да, Марк Андреевич.

Лифт открылся.

Я вошла первой, потому что каблуки, гордость и лёгкая злость отлично заменяют придворный этикет. Марк вошёл следом. Аня осталась снаружи, прижимая планшет к груди.

Двери закрылись.

И мы оказались вдвоём.

В зеркальных стенах лифта нас было сразу несколько: я — в вишнёвом платье, с кудрями, которые после вечера решили изображать независимое государство; он — тёмный, собранный, раздражающе красивый, с лицом человека, способного купить лифт, если тот едет недостаточно быстро.

— Вы всегда спорите с людьми, от которых зависит ваш гонорар? — спросил он.

— Нет. Иногда я спорю с людьми, от которых не зависит ничего, просто для поддержания формы.

— Это было неразумно.

— А предлагать взрослой женщине пиджак размера “хрупкая берёза” было разумно?

— Дресс-код не личное оскорбление.

— Конечно. Это коллективное.

Он повернул голову.

— Вы умеете отвечать нормально?

— Умею. Дорого.

— Сколько?

Лифт остановился.

Я посмотрела на него.

— Вы сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

Вот тут я впервые по-настоящему насторожилась. До этого наш разговор был перепалкой. Да, с острыми углами, да, с риском не получить гонорар и стать звездой ролика “Как не надо вести себя с владельцем комплекса”. Но в его коротком “Сколько?” появился другой тон. Не раздражение. Сделка.

А сделки с такими мужчинами обычно начинаются раньше, чем женщина успевает понять, что уже стоит внутри условий.

Двери лифта открылись на втором этаже.

Мы вышли в тихий коридор с мягким светом, ковром, большими окнами и стенами, на которых висели фотографии леса. Не простые фотографии, конечно. Такие, где каждая ветка выглядела дороже моего месячного дохода. На одной сосна задумчиво тонула в тумане. На другой крупным планом была шишка, снятая так драматично, будто у неё в жизни случился серьёзный корпоративный конфликт.

Марк открыл дверь кабинета.

Я вошла и невольно замолчала.

Кабинет был огромным. Не “чуть больше моей квартиры”, а “моя квартира могла бы стоять в углу и не мешать”. Панорамное окно выходило на подсвеченный лес. Стол из тёмного дерева занимал центр, у стены стояли кожаные кресла, в нише горела декоративная подсветка,

а на полке лежало несколько макетов комплекса. Всё здесь было дорого, строго и настолько безупречно, что я сразу захотела поставить на край стола яркую кружку с надписью “не беси”.

— Садитесь, — сказал Марк.

— Спасибо, я постою.

Он снял пиджак и повесил его на спинку кресла.

Зря.

Без пиджака он стал выглядеть не менее властно, зато более живо: рубашка подчёркивала плечи, рукава были закатаны ровно настолько, чтобы стало понятно, что мужчина не только подписывает документы, но и умеет делать вид, будто лично строил эти сосны. Я раздражённо отвела взгляд к окну.

Не хватало ещё начать замечать у него руки.

В моей жизни и без этого было достаточно проблем.

— Варвара, — начал он, садясь за стол.

— Варя.

— Варвара.

— Тогда Марк Андреевич.

Он чуть прищурился.

— Хорошо. Варя.

Маленькая победа. Не то чтобы я собиралась за неё ставить памятник, но внутренне кивнула себе: Румянцева, держи линию.

— Ролик нужно удалить, — сказал он.

— Удаляйте.

— Вы должны не комментировать его. Никаких сторис, постов, интервью, шуток, реакций, дуэтов, мемов и прочих проявлений вашей... активности.

— Моей личности?

— Вашей активности.

— Как деликатно вы назвали мой характер.

Он открыл ноутбук, что-то быстро набрал и повернул экран ко мне. На нём была страница с роликом. Просмотры перевалили за сто двадцать тысяч.

Я присвистнула.

— Быстро растёт. Может, вашему лесу всё-таки нужен человеческий Wi-Fi.

— Это не смешно.

— А сто двадцать тысяч человек считают иначе.

— Сто двадцать тысяч человек сейчас видят владельца премиального комплекса в ситуации, где его называют душным администратором.

— Не все. Некоторые пишут, что вы красивый душный администратор. Это уже позиционирование.

Марк сцепил пальцы на столе.

— Я предлагаю вам компенсацию.

Вот оно.

Приехали.

Сейчас мне назовут сумму, за которую я должна буду испариться из информационного пространства, удалить себя из вечера, закрыть рот бантиком и поблагодарить за шанс побыть неловким эпизодом в жизни большого человека.

— За что именно? — спросила я.

— За отказ от публичных комментариев, передачу прав на использование материалов с вашим участием команде “Северного бора” и участие в официальном заявлении. Коротком. Нейтральном. Без ваших импровизаций.

— То есть мне нужно сказать, что всё было частью сценария?

— Нет. Что ситуация была рабочей, недоразумение исчерпано, комплекс остаётся примером высокого уровня сервиса.

— Даже если ведущих тут пытаются переодеть в занавеску?

— Варя.

— Что?

— Я предлагаю решить вопрос цивилизованно.

— А если по-человечески?

— Это и есть по-человечески.

— Нет. По-человечески — это сначала сказать: “Варя, вечер получился дикий, но вы действительно спасли презентацию, гости довольны, спасибо”. Потом: “Давайте обсудим, как не превратить это в проблему”. А у вас всё начинается с “молчать”, “удалить” и “компенсация”. Вы так с людьми разговариваете или только с теми, кто не вписался в фирменный бежевый?

Он встал.

Не резко. Но кабинет сразу стал меньше.

— Вы сорвали утверждённую презентацию.

— Я оживила утверждённую презентацию, которая до меня звучала так, будто её писал человек, запертый в переговорной без любви к миру.

— Ролик попал в сеть из-за вашего поведения.

— Ролик попал в сеть из-за того, что кто-то из вашей команды вывел запись на экран.

Моё поведение просто оказалось интереснее буклета.

— Вы понимаете, что я могу предъявить вам претензию?

— Понимаю. А я могу рассказать, что владелец “Северного бора” предложил ведущей надеть пиджак, потому что её платье слишком яркое и отвлекает внимание от бренда. Как думаете, кого интернет полюбит сильнее?

На секунду он замолчал.

Не потому, что я победила. Марк Волков не выглядел человеком, который так просто проигрывает спор. Скорее он оценивал, сколько в моих словах угрозы, а сколько здравого смысла.

— Сколько вы хотите? — спросил он.

— За что?

— За молчание.

Я тихо рассмеялась.

Не весело. Даже не зло. Просто этот момент оказался настолько нелепым, что смех сам поднялся наружу.

— Вы правда думаете, что я сейчас назову сумму?

— Все называют сумму.

— Вот ваша главная проблема, Марк Андреевич. Вы встречали слишком много людей, которые называют сумму, и слишком мало тех, кто называет границы.

Он подошёл к столу, достал чековую книжку или что-то похожее — честно, я видела такие штуки только в сериалах и у мужчин, которые думают, что бумага с подписью выглядит убедительнее нормального разговора. Быстро написал цифры и повернул лист ко мне.

Один миллион рублей.

Я посмотрела на сумму.

Потом на него.

Потом снова на сумму.

Внутренний бухгалтер сел, снял очки и сказал: “Варенька, мы сейчас будем гордыми или живыми?”

Миллион — это не просто деньги. Это аренда студии на несколько месяцев. Новое оборудование. Закрытые долги за прошлый сезон. Нормальная реклама. Возможность не брать

сомнительные корпоративы, где директор сначала просит “пожестче пошутить про бухгалтерию”, а потом обижается, потому что он и есть бухгалтерия.

Миллион — это свобода на какое-то время.

И всё-таки рука моя не потянулась.

Потому что деньги, которые дают за работу, — это оплата.

Деньги, которые дают за то, чтобы ты стала удобной, — это повод потом смотреть в зеркало и спрашивать, сколько именно стоила твоя спина.

— Красиво, — сказала я.

— Это больше вашего гонорара за вечер в несколько раз.

— В очень много раз. Можете не скромничать.

— Тогда в чём проблема?

— В вас.

Он чуть поднял бровь.

— Объясните.

— С удовольствием. Вы предлагаете мне миллион не потому, что цените мой труд. Не потому, что я вытащила ваш вечер из болота премиальной скуки. Не потому, что гости ожили, ролик стал вирусным, а “Северный бор” за час получил больше внимания, чем ваши буклеты за год. Вы предлагаете миллион, чтобы я исчезла из собственной истории.

Его лицо стало жёстче.

— Это деловой вопрос.

— Вот именно. А я — не вопрос. Я человек. И если вы хотите договориться, разговаривайте со мной как с человеком.

— Вы драматизируете.

— Нет, я просто не распродаю себя по акции “купи молчание — получи улыбку в подарок”.

Он убрал лист со стола.

— Хорошо. Отказываетесь?

— От миллиона за молчание — да.

— Не самый разумный поступок.

— Зато мой.

Мы стояли друг напротив друга, и впервые за вечер мне показалось, что он смотрит на меня не как на проблему. Не как на яркое пятно в своём контролируемом мире. А как на человека, который внезапно не сделал того, что от него ожидали.

Это было приятно.

И опасно.

Потому что когда властный мужчина впервые начинает тебя уважать, где-то рядом обычно уже стоит новая неприятность и машет рукой.

Дверь кабинета открылась после короткого стука.

Вошла женщина лет сорока в строгом брючном костюме цвета мокрого асфальта. Короткие светлые волосы, быстрый взгляд, телефон у уха, ещё два телефона в руке и выражение лица человека, который умеет тушить пожары взглядом.

— Марк, — сказала она, заканчивая разговор. — У нас катастрофа.

— Я в курсе, Инга.

— Нет, ты не в курсе. У катастрофы отличные показатели.

Она положила на стол планшет.

На экране была аналитика: просмотры, комментарии, репосты, упоминания. Я не понимала всех цифр, но общий смысл был ясен: интернет ел нас большой ложкой и просил добавки.

Инга впервые посмотрела на меня.

— Вы Варя?

— Зависит от того, вы пришли ругать или предложить кофе.

— Кофе потом. Вы понимаете, что вас сейчас обсуждают активнее, чем открытие комплекса?

— Начинаю подозревать.

— Вас любят.

Марк резко посмотрел на неё.

— Инга.

— Что “Инга”? Я говорю факт. Смотрим комментарии: “живая”, “смешная”, “не глянце-вая”, “наконец нормальная женщина”, “хочу туда, если она ведёт мероприятия”, “босс огонь, пышка огонь, снимите им шоу”. Негатив есть, но он тонет. Марк, люди впервые обсуждают “Северный бор” не как дорогую базу для тех, кому скучно дома, а как место, где происходит что-то живое.

— Это не тот образ, который мы строили.

— Возможно, поэтому прежний образ и не взлетал так быстро.

Я решила, что Инга мне нравится. Не полностью — у PR-директоров улыбка часто бывает рабочим инструментом, как степлер. Но в данный момент она была единственным человеком в кабинете, кто говорил то, что Марк явно не хотел слышать.

— Вы предлагаете оставить это? — спросил он.

— Я предлагаю возглавить это.

— Нет.

— Марк.

— Нет.

Инга повернулась ко мне.

— Что он вам уже предложил?

— Миллион за молчание.

Она закрыла глаза на секунду.

— Конечно. Самый тонкий инструмент коммуникации — бросить в живого человека деньгами.

— Я не бросал.

— Ты почти попал.

Я невольно улыбнулась.

Марк заметил.

— Не веселитесь, Варя. Вы всё ещё в центре проблемы.

— Простите, просто редкий момент: кто-то кроме меня объясняет вам, что люди — не мебель.

Инга села в кресло, открыла планшет и быстро пролистала страницы.

— Слушайте. Сейчас есть два варианта. Первый: мы пытаемся удалить ролик, выпускаем сухое заявление, все делают вид, что ничего не произошло. Тогда интернет решает, что большой богатый комплекс задавил смешную ведущую, и через сутки у нас хештег, мемы, разборы и куча неприятных публикаций. Второй вариант: мы используем волну. Делаем кампанию “Северный бор — место, где можно быть собой”. Живые выходные, реальные гости, не только идеальные пары с одинаковыми улыбками. Варя становится лицом серии коротких роликов.

— Нет, — одновременно сказали мы с Марком.

Инга посмотрела сначала на него, потом на меня.

— Как мило. Уже синхронно.

— Я не собираюсь становиться лицом комплекса человека, который пять минут назад хотел купить моё исчезновение, — сказала я.

— Я не собираюсь строить бренд вокруг женщины, которая превращает презентацию в стендап, — сказал Марк.

— Отлично, — кивнула Инга. — У нас есть конфликт. Аудитория это обожает.

— Аудитория может обожать котов, падающие торты и людей, которые спорят в очереди, — сказал Марк. — Это не значит, что я должен строить на этом стратегию.

— Но ты строишь загородный комплекс не для себя. Ты строишь его для людей, которые должны захотеть сюда приехать. А сейчас они хотят. Из-за неё.

Он замолчал.

Я тоже.

Потому что фраза “из-за неё” прозвучала неожиданно тяжело. Весь вечер меня пытались сделать “слишком”: слишком яркой, слишком заметной, слишком смешной, слишком неуправляемой. А теперь выяснялось, что именно это “слишком” принесло комплексу внимание, которое нельзя купить бежевым пиджаком.

Телефон в сумочке завибрировал.

Я достала его и увидела имя Леры.

Моя подруга, менеджер, человек, который однажды сказал, что если я продолжу брать заказы у людей “по знакомству”, то знакомство с бедностью у нас станет слишком близким.

Я ответила.

— Варя, — закричала Лера так громко, что её услышал даже Марк. — Что ты сделала?

— Ничего серьёзного. Просто отправила босса лесом. Как у тебя вечер?

— У меня вечер? У меня телефон плавится! Тебя хотят на два корпоратива, один блогер просит интервью, какой-то ресторан пишет “нам нужна эта женщина”, а под роликом уже сто восемьдесят тысяч просмотров. Сто восемьдесят, Варя! Ты жива?

— Пока да.

— Ты рядом с боссом?

Я посмотрела на Марка.

Он смотрел на меня.

— Очень рядом.

— Передай ему, что если он будет на тебя давить, я приеду и буду давить в ответ. Я маленькая, но громкая.

— Он слышал.

Марк медленно поднял бровь.

— Пусть слышит. И спроси, он богатый прям богатый или просто костюм уверенный?

— Лера.

— Что? Мне как менеджеру надо понимать уровень проблемы.

Я отключила громкую связь, которую случайно включила щекой, и прижала телефон к уху.

— Я перезвоню.

— Не подписывай ничего без меня!

— Я вообще ничего не подписываю.

— Вот и умница. И, Варя?

— Что?

— Ты огонь. Только не дай им сделать из тебя рекламную тумбочку.

Я убрала телефон.

В кабинете стало тихо.

Инга смотрела на меня с интересом. Марк — с выражением, которое я пока не научилась переводить. То ли раздражение, то ли расчёт, то ли желание познакомиться с Лерой только через охрану.

— У вас менеджер? — спросил он.

— У меня подруга с доступом к моему календарю и правом кричать, когда я делаю глупости.

— Полезный человек, — сказала Инга.

— Очень. Иногда пугает заказчиков ещё до договора.

Марк вернулся за стол.

— Если обсуждать кампанию, условия будут моими.

Я повернулась к нему.

— Вы серьёзно? Вы только что слышали всю беседу и сделали вывод “условия будут моими”?

— Я владелец комплекса.

— Поздравляю. А я владелец себя.

Инга тихо сказала:

— Вот эту фразу тоже надо в ролик.

Марк бросил на неё взгляд.

— Нет.

— Да.

— Инга.

— Марк, если ты сейчас снова начнёшь командовать, она уйдёт, интернет решит, что ты сноб, а мы потеряем шанс. Сделай невероятное. Спроси, на каких условиях она готова разговаривать.

Я увидела, как ему это не понравилось.

Прямо физически.

Видимо, в мире Марка Волкова люди делились на тех, кто выполняет, и тех, с кем разговаривают юристы. А тут перед ним сидела я: пышная ведущая в вишнёвом платье, с вирусным роликом, подругой Лерой и лицом женщины, которая уже отказалась от миллиона. Очень неудобный вид живого существа.

Он посмотрел на меня.

— На каких условиях вы готовы разговаривать?

Я почти похлопала.

— Прекрасно. Первый шаг человека к нормальной коммуникации.

— Варя.

— Хорошо. Первое: без “вы должны исчезнуть”. Второе: я не буду врать, что всё было частью сценария. Третье: любые ролики только после моего согласия на текст и образ. Четвёртое: никаких шуток о моей фигуре в рекламной стратегии. Я сама могу шутить о себе, но не позволю бренду монетизировать чужую бестактность. Пятое: нормальный договор, нормальная оплата, нормальный график.

Инга кивала всё быстрее.

— Разумно.

Марк молчал.

— Шестое, — добавила я. — Никаких бежевых пиджаков.

Инга записала.

— Это принципиально?

— Это исторически.

Марк наконец сказал:

— А что получите вы?

— Деньги за работу. Не за молчание. Репутацию. Новых клиентов. И возможность не брать ведущей свадьбу в Подольске, где жених просит “сделать конкурс с тёщей повеселее”, а потом плачет в туалете.

Инга улыбнулась.

— Она хороша.

— Я заметил, — сухо сказал Марк.

Почему-то от этого “заметил” у меня внутри что-то неловко подпрыгнуло. Я сделала вид, что поправляю браслет на руке, хотя браслета не было. Просто рукам надо было чем-то заняться, пока мозг объяснял телу, что не надо реагировать на голос мужчины, который недавно предлагал тебе стать декоративной тишиной.

— Вопрос в другом, — сказал Марк. — Я не собираюсь отдавать управление кампанией человеку без опыта в репутационных проектах.

— А я не собираюсь отдавать свою личность человеку, у которого вместо чувства юмора корпоративный регламент.

Инга подняла руку.

— Предлагаю промежуточный вариант. Тестовый месяц. Четыре недели. Серия роликов, несколько открытых мероприятий, живые выходные в “Северном бору”. Варя — ведущая и лицо кампании. Марк — участвует в части контента.

— Нет, — сказал Марк.

— Да, — сказала Инга.

— Я не буду сниматься в роликах.

— Уже снимаешься. Без тебя ролик набрал почти двести тысяч. Смирись, аудитория выбрала тебя персонажем.

— Я не персонаж.

— Для интернета все персонажи. Даже сосны.

Я кашлянула, чтобы скрыть смех.

Марк посмотрел на меня.

— Вам весело?

— Очень. Не каждый день я наблюдаю, как миллиардера записывают в контент-план.

— Я не миллиардер.

— Простите. Мультимиллионер? Человек с тяжёлым взглядом и большим количеством древесины в собственности? Как корректно?

Инга закрыла лицо рукой.

Марк вдруг сказал:

— Волков.

— Что?

— Корректно — Волков.

Я хотела ответить что-то остроумное, но почему-то на секунду замолчала. Он произнёс фамилию так просто, без титулов и должностей, что в этом кабинете, среди дорогого дерева и бизнес-планов, неожиданно появился живой мужчина. Не надолго. Но появился.

Потом телефон Инги снова зазвонил, и магия закончилась.

Она ответила, послушала, побледнела не от страха, а от профессионального восторга.

— У нас проблема, — сказала она, отключившись.

— Ещё одна? — спросила я. — Они размножаются по корпоративному тарифу?

— Федеральный канал хочет короткий комментарий утром. Один крупный блогер уже едет сюда, говорит, снимет материал у ворот, если его не пустят. И самое интересное: за последний час бронирования на ближайшие выходные выросли в три раза.

Марк застыл.

— В три?

— Да. Люди пишут: “Хотим туда, где пышка вынесла босса”. Марк, можешь ненавидеть формулировку, но она продаёт.

Я медленно села в кресло.

Не потому, что устала. Просто момент требовал устойчивой поверхности подо мной. В три раза. Из-за ролика. Из-за меня. Из-за нашей дурацкой перепалки про пиджак, лес и человеческое лицо бренда.

— Поздравляю, — сказала я Марку. — Кажется, случайность поселилась у вас с чемоданами.

Он смотрел на планшет Инги.

— Это временный всплеск.

— Конечно, — сказала Инга. — Если мы его испугаемся. Если используем — станет кампанией.

— Мне нужно подумать.

— Думай быстро. Интернет не ждёт, пока богатые мужчины созреют эмоционально.

Я чуть не зааплодировала.

Марк посмотрел сначала на неё, потом на меня. Кажется, в этот момент он осознал: две женщины в одном кабинете — уже сложнее, чем один вирусный ролик.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тестовый месяц.

Я подняла руку.

— Я ещё не согласилась.

— Вы согласитесь.

— Вот теперь стало похоже на вас.

Он обошёл стол и остановился напротив меня.

— Варя, у вас есть два варианта. Первый: мы оформляем сотрудничество. Месяц работы, нормальный договор, оплата выше вашего стандартного гонорара, контроль образа обсуждается, ваши условия частично принимаются. Второй: я передаю юристам вопрос о срыве презентации, использовании материалов, нарушении сценария и возможном ущербе бренду.

Я медленно встала.

— То есть вы снова начали нормально, а закончили дубинкой?

— Я называю факты.

— Нет. Вы называете деньги, юристов и власть, потому что вам страшно разговаривать на равных.

В его глазах мелькнуло раздражение.

— Мне не страшно.

— Тогда зачем пугать меня иском?

— Потому что вы не оставляете мне других инструментов.

— А вы попробуйте без инструментов. Просто рот открыть и сказать: “Варя, мне нужна ваша помощь”.

Тишина упала между нами так резко, что даже Инга перестала что-то писать.

Марк смотрел на меня.

Долго.

Я уже успела пожалеть, что сказала это вслух. Не потому, что была неправа. Просто такие мужчины не просят. Они покупают, нанимают, требуют, предлагают, компенсируют, давят, заключают соглашения. Просьба для них — как выйти на сцену без костюма: вроде можно, но ощущение, что все увидят лишнее.

Он сказал:

— Мне нужна ваша помощь.

Голос был ровный.

Но фраза всё равно прозвучала так, будто ему пришлось вручную сдвинуть внутри себя что-то очень тяжёлое.

Я моргнула.

Инга медленно улыбнулась и тут же спрятала улыбку в планшет.

— Вот, — сказала я тише. — Можете же, когда очень надо.

— Не привыкайте.

— Поздно. Я уже занесла это в протокол.

Он выдохнул через нос.

— Месяц. Вы работаете с нами месяц. Если кампания не даст результата, расходимся. Если даст — обсуждаем продление. Но пока действует договор, вы не публикуете самостоятельные комментарии без согласования.

— А если я откажусь?

Он посмотрел прямо.

— Тогда утром вы получите официальную претензию за срыв мероприятия.

— Очень романтическое предложение.

— Это не романтика. Это бизнес.

— Вот и славно. А я-то уже испугалась, что вы сейчас упадёте на одно колено и предложите мне рекламный бюджет.

Инга тихо фыркнула.

Марк не улыбнулся, но я снова увидела это почти незаметное движение у уголка губ. Неприлично красивое. Совершенно неуместное. Раздражающее.

Я взяла сумочку со спинки кресла.

— Я подумую.

— До утра.

— До обеда.

— До девяти.

— До одиннадцати, и вы оплатите сегодняшний вечер без задержек.

— До десяти.

— И бежевый пиджак сжечь.

— Утилизировать.

— Торг уместен. До десяти.

Он протянул руку.

Я посмотрела на неё. Рука была сильная, с длинными пальцами, аккуратными ногтями и уверенностью человека, который привык закреплять договорённости одним жестом.

Я пожала.

Коротко.

Делово.

И всё равно почувствовала тепло его ладони слишком отчётливо.

Ненавижу такие мелочи. Они потом мешают строить правильную неприязнь.

— До десяти, Варя, — сказал он.

— До десяти, Волков.

Я вышла из кабинета с прямой спиной и ощущением, что за один вечер моя жизнь свернула не туда не один раз, а устроила массовый забег по всем неправильным поворотам.

В коридоре меня ждала Аня.

— Вы как? — спросила она шёпотом.

— Прекрасно. Меня сначала хотели купить, потом нанять, потом засудить, потом попросили помочь. У вас тут все собеседования такие насыщенные?

Она слабо улыбнулась.

— Обычно хуже. Но не так смешно.

Я спустилась к служебному выходу, где начинался этот безумный вечер. Моя красная машина стояла под фонарём, вся в пыли после дороги, но родная. Я села за руль, сняла каблучки и только тогда позволила себе длинно выдохнуть.

Телефон снова ожил.

Лера прислала скрин.

Ролик: триста сорок тысяч просмотров.

Подпись крупными буквами:

“ПЫШКА НА МИЛЛИОН. БОСС ИДЁТ ЛЕСОМ?”

Я уставилась на экран.

Потом на подсвеченную вывеску “Северный бор”.

Потом снова на экран.

— Ну что, Варя, — сказала я вслух. — Кажется, лес сам тебя позвал.

В этот момент пришло сообщение с неизвестного номера.

“Договор пришлю утром. Не опаздывайте с ответом. М. Волков.”

Следом второе.

“И да. Пиджак утилизируют.”

Я засмеялась так громко, что охранник у шлагбаума повернулся.

А через секунду телефон пискнул в третий раз.

На этот раз писала Лера:

“Только что звонили из команды Волкова. Они хотят, чтобы ты месяц изображала лицо их бренда. Варя, скажи честно: ты случайно не продала душу красивому мужику с лесом?”

Я посмотрела на дорогу, на тёмные сосны и на светящийся экран.

— Нет, Лерочка, — пробормотала я. — Пока только взяла рассрочку.

И завела машину, уже зная, что утром моё “нет” будет звучать гораздо менее уверенно, чем мне хотелось бы.

Глава 3. Контракт с невыносимым боссом

Утром моё “нет” действительно выглядело не так уверенно, как вечером.

Оно сидело на кухонном столе между чашкой кофе, телефоном с шестьюдесятью непрочитанными сообщениями и ноутбуком, на котором был открыт договор от команды Марка Волкова. Точнее, не договор. Толстый электронный документ на двадцать восемь страниц, после которого мой внутренний юрист — женщина нервная, но гордая — снял очки, перекрестился степлером и сказал: “Варя, нас хотят красиво упаковать и хранить в корпоративной кладовке”.

Я сидела в своей маленькой кухне, босиком, в растянутой футболке с надписью “Я не спору, я улучшаю реальность”, и пыталась понять, как за одну ночь можно превратиться из ведущей мероприятий в объект переговоров, мем и “лицо новой эмоциональной стратегии бренда”.

Последнее звучало особенно пугающе. Когда люди начинают называть твоё лицо стратегией, жди, что скоро к нему приложат регламент.

Лера приехала в девять тридцать с двумя стаканами кофе и видом женщины, которая готова спасти подругу, бизнес и остатки здравого смысла, но только после первого глотка.

Она была маленькая, острая, с короткой стрижкой и глазами, в которых постоянно горела табличка “я же говорила”. Мы дружили с института, где она училась на рекламе, я — на культурологии, а обе в итоге стали женщинами, которые умеют из воздуха, стыда и чужого хаоса делать мероприятие.

— Показывай договор, — сказала Лера, сбрасывая кроссовки у двери. — И сразу предупреждаю: если там есть пункт “Варя обязуется быть милой”, я поеду в этот лес и укушу кого-нибудь за репутацию.

— Там хуже.

— “Варя обязуется быть бежевой”?

— Почти.

Я повернула к ней ноутбук.

Лера склонилась над экраном. Первые две страницы она читала молча. На третьей её брови поползли вверх. На пятой она начала издавать звуки. На седьмой взяла ручку, хотя договор был электронный, и стала тыкать ею в экран.

— Так. “Исполнитель обязуется воздерживаться от публичных высказываний, способных нанести ущерб образу заказчика”. Варя, ты понимаешь, что это фактически “молчи, женщина, у нас тут сосны дорогие”?

— Понимаю.

— “Заказчик вправе корректировать внешний вид исполнителя в соответствии с брендбуком”. О, прекрасно. Они хотят брендбук на твою грудь и кудри?

— Я надеюсь, только на кудри. Грудь у меня плохо подчиняется документам.

— “Все материалы с участием исполнителя могут использоваться бессрочно”. Бессрочно? Они что, собираются показывать тебя гостям в 2087 году? “Встречайте легендарную пышку, которая отправила нашего основателя лесом, теперь в голограмме”?

Я отпила кофе.

— Я ждала твоего профессионального мнения.

— Моё профессиональное мнение: этот договор писал человек, который считает, что живой человек — это приложение к рекламной кампании. И очень вероятно, что у этого человека дорогие часы и лицо Волкова.

— Волков, кстати, умеет говорить “мне нужна ваша помощь”.

Лера медленно повернулась ко мне.

— Варя.

— Что?

— Ты сейчас сказала это таким голосом, будто он спас котёнка из пожара.

— Ничего подобного.

— Подобного. Ещё как подобного. Тон был “он не такой, как все, просто запутался в юристах и древесине”.

— Лера, он вчера предложил мне миллион за молчание.

— Вот! Держись за эту мысль. Миллион за молчание — это не романтика. Это красный флаг размером с его загородный комплекс.

— Я держусь. Просто... он потом попросил нормально.

— Богатый мужчина произнёс просьбу, и ты уже мысленно дала ему скидку за человеческое развитие?

— Я ему ничего не дала.

— Отлично. Тогда давай мы сейчас ничего не дадим и его юристам.

В десять без пяти я уже сидела за ноутбуком с Лерой рядом и переписывала договор. Не “вносила правки”. Нет. Вносить правки можно в текст, который родился хотя бы с намёком на уважение к другой стороне. Этот документ мы разбирали как старый сарай: аккуратно, но без сожаления.

Я вычеркнула право “корректировать внешний вид”.

Лера вставила: “Исполнитель самостоятельно определяет одежду, причёску, манеру речи и публичное поведение в рамках заранее согласованного сценария”.

Я добавила: “Шутки, комментарии и визуальные решения, касающиеся фигуры, размера одежды, веса, внешности и телесных особенностей исполнителя, допускаются только по письменному согласованию с исполнителем”.

Лера посмотрела на меня.

— Мощно.

— Я не хочу, чтобы какая-нибудь креативная душа предложила ролик “пышка не помещалась в премиальный стандарт”.

— Если предложит, я лично помещу её в мусорный бак.

— По договору это лучше не прописывать.

— Жаль.

Мы подняли оплату в три раза от первой суммы, которую они предложили за месяц работы. Не потому, что я внезапно стала жадной. Просто работа лицом кампании, ведущей серии мероприятий, участницей роликов и объектом возможного народного обсуждения должна оплачиваться не как “спасибо, вы такая смешная”. Смешная — это характер. Работа — это счёт.

К десяти утра мой “нет” действительно стало почти “да”.

Но “да” на моих условиях.

Я отправила Марку сообщение:

“Буду в одиннадцать. С юристами и правками. Пиджак не надену”.

Ответ пришёл через минуту:

“Адрес пришлю. Пиджак утилизирован”.

Следом:

“Юристы готовы”.

И ещё одно, после небольшой паузы:

“Кофе?”

Я уставилась на экран.

Лера заглянула через плечо.

— Не смей умиляться.

— Я не умиляюсь. Я анализирую.

— Анализируй молча и без розовых соплей.

Я написала:

“Кофе — да. Командовать — нет”.

Ответ:

“Принято. В рабочих задачах — обсуждаемо”.

Лера выхватила у меня телефон.

— Он флиртует через переговорные формулировки.

— Он просто сухой.

— Сухими бывают хлебцы. А это уже тревожный аромат будущих проблем.

В офис “Северного бора” я приехала в одиннадцать десять, потому что по дороге попала в пробку, а ещё потому что не собиралась создавать у Марка иллюзию, будто он может управлять моим временем одним сообщением.

Офис находился в новом бизнес-центре, где даже охрана выглядела так, будто прошла кастинг на роль “сдержанное неодобрение”. Стекло, металл, гладкий пол, огромная стойка ресепшена, на которой не было ни одной лишней ручки. Место, где человек вроде меня сразу начинал хотеть оставить где-нибудь цветной стикер просто из принципа.

На мне было тёмно-зелёное платье с запахом, мягкое, удобное и слишком живое для этого здания. Кудри я собрала на одну сторону, губы накрасила ягодной помадой, а в сумку положила распечатанный договор с правками, ноутбук и шоколадку. На всякий случай. Иногда женщине на переговорах нужно оружие. Иногда — сахар. Главное не путать.

Лера шла рядом в чёрном костюме и с лицом, обещающим юридический апокалипсис без юридического образования.

— Помни, — сказала она в лифте, — ты не просишь шанс. Они сами тебя позвали.

— Помню.

— Ты не продаёшь себя. Ты продаёшь услугу.

— Помню.

— Ты не смеёшься над каждым его словом, даже если он будет смотреть на тебя этими своими волковыми глазами.

— Лера.

— Что? Я вчера посмотрела ролик. У него глаза “подпиши договор и не спрашивай почему”.

— Я пришла спрашивать почему.

— Вот и умница.

Двери лифта открылись.

Нас встретила Инга. Сегодня она была в светлом костюме, с планшетом и выражением лица женщины, которая уже провела три созвона, победила двух паникёров и морально готова к третьей мировой за формулировку “живой бренд”.

— Варя, доброе утро. Лера?

— Менеджер, подруга, свидетелем могу быть, если понадобится, — сказала Лера и пожала ей руку.

Инга улыбнулась.

— Надеюсь, до этого не дойдёт.

— Я тоже. У меня сегодня маникюр, неудобно подписывать протоколы кровью.

Инга посмотрела на меня.

— Она всегда такая?

— Нет, сегодня она добрая. Ей кофе дали.

— Тогда идёте, пока эффект держится.

Переговорная была большая, с длинным столом, экраном на стене и видом на город. За столом сидели двое юристов: мужчина лет пятидесяти с лицом “у меня в папке есть пункт на

любой случай жизни” и молодая женщина с аккуратной укладкой, которая смотрела на нас с вежливым интересом. Марк стоял у окна, в тёмно-сером костюме, без галстука, с телефоном в руке.

Когда мы вошли, он обернулся.

И вот тут случилась неприятность.

Он посмотрел на меня не как на проблему.

Слишком быстро, на секунду, но взгляд задержался на платье, потом на лице, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Не наглое. Не оценивающее. Просто заметил.

А я, предательница собственного здравого смысла, почувствовала, как внутри что-то коротко и глупо улыбнулось.

Лера тихо кашлянула.

Я выпрямилась.

— Доброе утро, Волков.

— Варя. Лера.

— О, меня запомнили. Уже страшно, — сказала Лера.

— Я стараюсь помнить людей, которые угрожают приехать и давить в ответ.

— Отлично. Значит, коммуникация налажена.

Инга села во главе стола сбоку, явно собираясь быть буфером между нами и возможным взрывом. Марк занял место напротив меня. Юрист в папкой представился Сергеем Павловичем, молодая женщина — Марией. Я выложила распечатанный договор на стол.

Толщина пачки произвела впечатление.

Сергей Павлович посмотрел на неё, как хирург на пациента с богатым внутренним миром.

— Это ваши замечания?

— Это мой договор, — сказала я. — Ваш был черновиком фантазии о послушном исполнителе.

Лера наклонилась ко мне.

— Варя, мягче.

— Хорошо. О послушном исполнителе с элементами мебели.

Марк сцепил пальцы.

— Давайте конструктивно.

— Давайте. Первый пункт: я не передаю бессрочные права на все материалы. Использование — один год, только в рамках кампании “Северного бора”, с возможностью продления по отдельному соглашению.

Сергей Павлович поднял глаза.

— Бессрочное использование стандартно для подобных проектов.

— Возможно. Но я нестандартная. Вы сами на этом зарабатываете.

Инга быстро что-то записала.

Марк молчал.

Я продолжила:

— Второй пункт: я утверждаю сценарии и финальный образ до съёмки. Не правлю монтаж по настроению, но имею право отказаться от материалов, где меня выставляют глупой, алчной, некомпетентной или объектом шуток о внешности.

— Никто не собирался... — начал Сергей Павлович.

— Тогда вам несложно будет это подписать.

Мария, молодая юристка, чуть заметно улыбнулась. Сергей Павлович не улыбнулся. В его профессии улыбка, видимо, считалась утечкой позиции.

— Третий пункт: я не комментирую ролик без согласования, но имею право отвечать на прямые оскорбления в свой адрес и защищать свою репутацию. Я не буду молчать, если кто-то решит сделать из меня карикатуру.

Марк поднял взгляд.

— Кто-то уже сделал?

Я не ожидала вопроса.

— Пока нет серьёзно. Но комментарии в сети — это не только “богиня” и “вишнёвая женщина”. Там уже есть умники, которые уверены, что женщину моего размера можно либо смешно использовать, либо пожалеть.

Его лицо стало жёстче, но не в мою сторону.

— Инга?

— Мониторим, — ответила она. — Негатив есть, но управляемый. Мы можем выстроить стратегию так, чтобы не уходить в оправдания.

— Мне не нужны оправдания, — сказала я. — Мне нужны границы.

Марк посмотрел на меня. На этот раз без спора.

— Понял.

Лера под столом осторожно толкнула меня коленом. Мол, видела? Человек обучаем.

Я сделала вид, что не заметила.

Следующий час мы бодались за каждый пункт. Оплата. График. Количество съёмочных дней. Переработки. Отмена мероприятий. Право Леры присутствовать на ключевых обсуждениях. Запрет на изменение моей одежды без согласования. Отдельная оплата за прямые эфиры. Питание на площадке, потому что если бренд хочет живую, остроумную Варю, он не должен морить её салатным листом под соусом “премиальная лёгкость”.

— Пункт о питании обязателен? — спросил Сергей Павлович.

— Да, — сказала Лера. — Голодная Варя разговаривает с заказчиками честнее, чем рынок готов выдержать.

— Я подтверждаю, — добавила я.

Марк вдруг спросил:

— Что вы едите на площадке?

Я прищурилась.

— Это забота или попытка составить список слабых мест?

— Практический вопрос.

— Нормальную еду. Не обязательно икру с видом на берёзу. Просто нормальную. Горячее, кофе, вода, фрукты. И без комментариев в стиле “ой, а вы точно будете десерт?”.

Марк повернулся к Сергею Павловичу.

— Внести.

Юрист записал.

Я вдруг поймала себя на том, что мне стало... спокойно? Не влюблённо, не мягко, не “ах, он запомнил мои потребности”. Нет. Просто на секунду исчезло ощущение, что я одна держу оборону против большого механизма. Марк мог спорить, давить, раздражаться, но когда понимал границу — фиксировал её как факт.

Это было странно приятно.

И, конечно, опасно.

Потому что на приятные странности женщины часто покупаются дороже, чем на дорогие подарки.

— Теперь мой пункт, — сказал Марк.

Я откинулась на спинку кресла.

— Началось.

— Во время рабочих мероприятий вы соблюдаете утверждённые задачи, тайминг и ключевые сообщения кампании.

— Если ключевые сообщения не звучат как тоска в деловом костюме.

— Они будут согласованы.

— Хорошо.

— Вы не публикуете спонтанные видео с площадки без согласования.

— Если вы не пытаетесь снова сделать из меня куст.

— Варя.

— Ладно. Согласование — в течение двух часов. Если реакции нет, я считаю, что вы ушли в лес без связи, и публикую то, что не нарушает договор.

Инга подняла палец.

— Хороший компромисс.

Сергей Павлович выглядел так, будто слово “компромисс” причинило ему личную обиду.

— И ещё, — сказал Марк. — Вы не называете меня в публичных материалах душным администратором.

Я посмотрела на него с сожалением.

— А если ласково?

— Нет.

— А “главный по соснам”?

— Нет.

— “Волков из леса”?

Инга тихо засмеялась.

Марк посмотрел на неё.

— Не помогай.

— Я уже вижу рубрику, — сказала она. — “Варя и Волков: кто кого вывел из леса”.

— Нет, — снова сказал Марк.

— Вы очень часто говорите “нет”, — заметила Лера. — Вы в детстве мечтали быть шлагбаумом?

На этот раз даже Мария не выдержала и прикрыла рот ладонью.

Марк медленно перевёл взгляд на Леру.

— Теперь я понимаю, почему вы с Варей подруги.

— Потому что мы обе умеем видеть суть?

— Потому что у вас обеих инстинкт самосохранения работает в отпускном режиме.

— Зато аудитория довольна, — сказала я.

— А я нет.

— Но вы же не аудитория.

— Я заказчик.

— А я не кнопка “сделать весело”.

Он выдержал паузу. Потом кивнул.

— Справедливо.

Я моргнула.

Марк Волков только что признал чужую правоту без судебного заседания, угрозы иском и трёхстраничного приложения.

Мир менялся быстро. Даже слишком.

Мы дошли до последнего блока — “публичное позиционирование исполнителя”. В версии Марка там была сухая формулировка: “Ведущая, представитель новой кампании, амбассадор живого формата отдыха”.

— Слово “амбассадор” вычёркиваем, — сказала я.

Инга удивилась.

— Почему?

— Потому что моя мама спросит, в какой стране меня назначили послом и почему я до сих пор живу в съёмной квартире.

Марк впервые улыбнулся нормально.

Не почти. Не краешком. Быстро, сдержанно, но по-настоящему.

И вот это было совсем нечестно.

Улыбка меняла его лицо. Убирала холод, оставляла усталость, ум и какое-то мальчишеское упрямство, которое он явно давно запер в дорогом кабинете. Я поймала себя на том, что смотрю на него дольше, чем нужно.

Лера снова толкнула меня коленом.

Я спохватилась.

— Пишем проще, — сказала я. — Ведущая и лицо кампании “Северный бор. Можно быть собой”.

Инга кивнула.

— Хорошо.

— И ещё один пункт, — добавила я.

Марк насторожился.

— Какой?

Я перевернула лист и положила перед ним отдельную страницу.

— Босс не командует вне рабочих задач.

Сергей Павлович откашлялся.

— Простите?

— Очень простой пункт. В рабочих вопросах Марк Андреевич может ставить задачи, согласовывать сценарии, обсуждать результат и требовать соблюдения договора. Вне рабочих задач — не командует, не распоряжается, не говорит мне, что надеть, куда встать, как улыбаться, что есть, когда отвечать на сообщения и каким тоном разговаривать с его брендбуком.

В переговорной повисла тишина.

Инга медленно опустила взгляд в планшет, чтобы скрыть улыбку. Лера смотрела на меня с гордостью тренера, чей ученик только что сделал идеальный удар. Мария явно боролась с профессиональной выдержкой. Сергей Павлович выглядел так, будто впервые столкнулся с пунктом, который нельзя отнести ни к гражданскому праву, ни к здравому смыслу его мира.

Марк читал страницу.

Долго.

Потом поднял глаза.

— Вы серьёзно хотите внести это в договор?

— Абсолютно.

— “Босс не командует вне рабочих задач”?

— Именно.

— Формулировка спорная.

— Зато понятная.

— Для договора нужна юридическая точность.

— Переведите на юридический, но смысл оставьте. Я не подписываю отношения “начальник — подчинённая” в круглосуточном режиме.

— У нас нет отношений.

— Вот именно. Поэтому не надо в них командовать.

Он откинулся на спинку кресла.

— Вы всегда заранее строите оборону?

— Только когда вижу танк.

— Я танк?

— Дорогой, чёрный, с кожаным салоном и привычкой ехать прямо через клумбу.
Лера закрыла глаза.

— Господи, как красиво.

Марк смотрел на меня так, будто не знал, злиться или записывать.

— Я не командую вне рабочих задач, — сказал он.

Я подняла брови.

— Вчера вы командовали пиджаком, сценарием, молчанием, временем ответа и моим будущим поведением в сети.

— Это были рабочие задачи.

— Нет. Это была ваша паника в деловом костюме.

Инга не выдержала и засмеялась вслух.

Марк повернулся к ней.

— Тебе весело?

— Да, Марк. Потому что это лучшая переговорная за последние три года. Обычно мы обсуждаем проценты, сроки и штрафы, а сегодня — твою панику в деловом костюме. У бренда появилась душа.

— У бренда появилась мигрень, — пробормотал Сергей Павлович.

— Сергей Павлович, — сказала Лера, — давайте без медицинских метафор. У нас тут романтическая комедия, а не приёмный покой.

Я едва не прыснула кофе, которого у меня, кстати, до сих пор не было.

Марк вдруг встал, подошёл к двери, открыл её и сказал кому-то в коридор:

— Два кофе для гостей. И что-нибудь нормальное к столу, не презентационное.

Я посмотрела на Леру.

Лера посмотрела на меня.

Инга посмотрела на нас обеих и прошептала:

— Прогресс.

Когда кофе принесли, переговоры стали почти человеческими. Почти — потому что Сергей Павлович всё ещё пытался вернуть в договор бессрочное использование, а Марк настаивал на штрафах за нарушение конфиденциальности. Я, в свою очередь, настаивала, что конфиденциальность не означает запрет на шутки о собственном стрессе, если шутки не раскрывают внутренние документы.

— Вы правда всё переводите в юмор? — спросила Мария, когда мы делали перерыв.

— Нет. Иногда я ем.

— А если серьёзно?

Я посмотрела на неё. Она спрашивала без издёвки.

— Юмор — это не способ не быть серьёзной. Это способ не дать другим решить, что они имеют право тебя уменьшить. Когда я шучу первой, у них меньше шансов сделать из меня чужую шутку.

Мария задумалась.

Марк, который стоял у окна с чашкой кофе, услышал. Я поняла это по тому, как он чуть повернул голову, но ничего не сказал.

И хорошо, что не сказал.

Некоторые вещи мужчине лучше сначала услышать молча.

Через два с половиной часа договор превратился из корпоративной сети для ловли Вари в рабочий документ. Не идеальный. Но мой. С моими границами, оплатой, правом голоса, Лерой в копии важных писем и пунктом, который Мария аккуратно перевела так: “Заказчик не вправе давать Исполнителю обязательные указания, не относящиеся к предмету договора”.

— Скучно, — сказала я. — Но смысл жив.

— В юридических документах скука — признак здоровья, — ответила Мария.

Сергей Павлович посмотрел на неё с укором.

Марк подписал первым.

Ручкой.

На бумаге.

Это было странно старомодно и почему-то весоמו. Он не торопился, не устраивал демонстрации власти, просто поставил подпись под всеми пунктами, включая тот, где ему, по сути, запрещали быть Марком Волковым сверх нормы.

Потом повернул договор ко мне.

— Ваша очередь.

Я взяла ручку.

На секунду пальцы остановились над листом.

Лера тихо сказала:

— Варя?

Я смотрела на строчку с местом для подписи и думала о том, как часто в моей жизни деньги приходили вместе с унижением. “Ну ты же весёлая, сделай скидку”. “Ну тебе же нетрудно”. “Ну ты же понимаешь, бюджет маленький”. “Ну зачем тебе официальный договор, мы же нормально общаемся”. И ещё, конечно, вечное: “Ты такая яркая, тебя и так запомнят”.

Запомнят — не валюта.

Я поставила подпись.

Варвара Румянцева.

Чётко, уверенно, без завитушек.

— Поздравляю, — сказала Инга. — У нас есть кампания.

— У вас есть я на месяц, — поправила я. — Не путайте.

Марк забрал свой экземпляр.

— Не перепутаю.

И сказал это так, что у фразы внезапно появилось второе дно.

Я решила туда не смотреть.

Вторые дна — опасная штука. Особенно когда рядом мужчина с серыми глазами, большим комплексом и привычкой быть танком.

Инга подключила экран.

— Теперь к первому ролику. Нам нужно быстро выпустить официальный ответ на вирус. Не сухой. Живой. Формат: Варя возвращается в “Северный бор”, Марк встречает её у входа. Короткая перепалка. Финал: “У нас можно быть собой”. Снимаем завтра.

— Завтра? — переспросила я.

— Интернет не ждёт.

— Интернет вообще невоспитанный.

— Поэтому работаем быстро.

На экране появился черновой сценарий.

Я прочитала первые строки и поморщилась.

— Нет.

Инга насторожилась.

— Что не так?

— Тут я говорю: “Я поняла, что премиальный отдых может быть весёлым”. Это звучит так, будто мне за это уже заплатили и я плохо справляюсь.

Марк сел рядом, наклонился к экрану.

Слишком близко.

Не неприлично. Просто близко настолько, что я почувствовала его парфюм — свежий, древесный, дорогой, конечно, чтобы его сосны не ревновали. Я подвинулась на миллиметр, делая вид, что мне неудобно читать.

— Что бы сказали вы? — спросил он.

— “Я вернулась проверить, пережил ли босс встречу с реальными женщинами”.

Инга записала.

Марк сухо сказал:

— Босс пережил.

— Но осадочек премиальный.

— Это не пойдёт в ролик.

— Это пойдёт в моё личное утешение.

Мы ещё полчаса правили сценарий. Получилось смешно, коротко и почти не похоже на рекламу. Марк должен был встретить меня у входа, я — спросить, убрали ли пиджаки из зоны риска. Он — ответить, что теперь в “Северном бору” дресс-код начинается с уважения к гостю. Я — уточнить, входит ли в уважение кофе. Он — сказать: “Для вас уже приготовлен”. Потом общий план комплекса и фраза: “Северный бор. Можно быть собой”.

— Неплохо, — сказала Лера.

— Неплохо? — возмутилась Инга. — Это отлично.

— Я экономлю восторг, он у меня по тарифу.

Марк вдруг нахмурился, глядя на следующий блок.

— Что это?

Инга замялась.

И мне сразу не понравилось её лицо.

— Есть ещё одна идея, — сказала она.

— Какая? — спросила я.

— Не для первого ролика. Для второй недели кампании. Мы хотим показать “Северный бор” как место романтического отдыха. У нас уже была запланирована съёмка “идеальной пары выходного дня”: коттедж, ужин на террасе, прогулка по лесу, каминный зал, завтрак с видом на сосны.

Я кивнула.

— И?

Инга посмотрела на Марка.

Марк посмотрел на Ингу так, будто предлагал ей остановиться и сохранить жизнь.

Инга не остановилась.

— После вируса логично заменить моделей на вас двоих.

В переговорной стало так тихо, что я услышала, как Лера медленно поставила чашку на блюдце.

— Простите, — сказала я. — Нас двоих — это кого?

Инга улыбнулась осторожно.

— Вас и Марка.

Я повернулась к Волкову.

Он выглядел так, будто его только что официально назначили главным по эмоциональной катастрофе.

— Нет, — сказал он.

— Нет, — сказала я.

Лера откинулась на спинку кресла.

— Как мило. Уже второй раз синхронно.

Инга подняла руки.

— Послушайте. Это не роман. Это рекламная съёмка. Аудитория уже видит между вами динамику. Спор, искра, контраст. Ей интересно. Если мы дадим “идеальную пару” с двумя безупречными моделями, все скажут: скучно, где пышка и босс? А если вы сыграете пару выходного дня, это выстрелит.

— Я не играю пару с заказчиком, — сказала я.

— Я не играю пару с исполнителем, — сказал Марк.

— Прекрасно, — кивнула Инга. — Тогда вы идеально подходите. У вас естественное сопротивление.

— У нас естественное нежелание, — уточнила я.

Марк повернулся ко мне.

— Хоть в чём-то согласны.

— Не привыкайте.

Инга пролистала презентацию. На экране появился мудборд: уютный коттедж, плед, деревянная терраса, свечи, лесная тропинка, мужчина и женщина у камина, завтрак на двоих.

Я смотрела на картинки и чувствовала, как внутри поднимается паника, замаскированная под сарказм.

Одно дело — спорить с Марком в переговорной, где между нами стол, юристы, Лера и пункт “босс не командует”. Другое — изображать романтические выходные с женщиной, чья рука вчера почему-то запомнилась моей ладони, а улыбка сегодня испортила мне концентрацию.

— Нет, — повторила я. — Я ведущая и лицо кампании. Не фальшивая возлюбленная в лесном домике.

Марк холодно сказал:

— Инга, это исключено.

Инга посмотрела на него внимательно.

— Марк, бронирования выросли не из-за коттеджей. Из-за вас двоих. Ты можешь отрицать это сколько угодно, но цифры не романтики. Они просто считают.

— Найдите актёра, — сказал он.

— Найдём. И потеряем главный интерес.

— Это не обсуждается.

— Обсуждается, — сказала я неожиданно для самой себя.

Все посмотрели на меня.

Даже я внутренне посмотрела на себя и спросила: “Румянцева, ты сейчас с какой стороны переговоров выступаешь?”

Я подняла руку.

— Я не согласилась. Я сказала — обсуждается. Если это отдельная съёмка, отдельные условия. Отдельная оплата. Отдельный сценарий. И никакой лжи, что мы настоящая пара.

Марк медленно повернул ко мне голову.

— Вы серьёзно?

— Нет, я сейчас тренирую финансовую гибкость в условиях стресса.

Лера прищурилась.

— Варя.

— Что? Если они всё равно будут предлагать безумие, пусть хотя бы по-честному.

Марк смотрел на меня так, будто я только что предала наш общий фронт отказа.

— Вы готовы изображать пару?

— Я готова обсуждать работу. Это разные вещи.

— Это романтическая съёмка.

— Я ведущая. Я изображала счастливую атмосферу на свадьбах, где невеста ненавидела диджея, жених боялся тещу, а гости ждали драки. Поверьте, прогулка с вами по лесу — ещё не самый сложный актёрский вызов.

Инга закрыла рот рукой, но глаза у неё сияли.

Марк наклонился чуть ближе.

— Вы понимаете, что после такой съёмки слухи усилятся?

— А вы понимаете, что если мы откажемся слишком резко, слухи тоже усилятся? Интернет уже хочет продолжение. Если вместо продолжения дать ему стерильную пару моделей, он сам всё додумает. Лучше управлять историей честно.

Он молчал.

Я добавила:

— И да, Волков. Это не значит, что вы можете командовать мной у камина.

— Я не собирался.

— Просто фиксирую. Лес, камин и плед — опасные обстоятельства для мужчин, привыкших руководить атмосферой.

Лера тихо сказала:

— Я хочу этот пункт в дополнительное соглашение.

Марк откинулся на спинку кресла.

— Дополнительная оплата, отдельный сценарий, право отказаться от сцен, которые покажутся вам неуместными. И вы не называете меня в кадре душным администратором.

— А за кадром?

— Варя.

— Ладно. За кадром — по настроению.

Инга быстро переключила слайд.

— Тогда готовим предложение. Съёмка через три дня.

— Через три дня? — я уставилась на неё. — Я ещё не успела морально принять контракт, а вы уже кладёте меня с боссом под плед.

— Под плед — во второй половине дня, — деловито сказала Инга. — Утром прогулка.

Марк встал.

— На сегодня достаточно.

— Согласна, — сказала я. — Мой мозг уже встал и ушёл к шлагбауму.

Мы разошлись почти мирно. Почти — потому что, когда я забирала свой экземпляр договора, Марк задержал меня у двери.

— Варя.

— Да?

Он стоял близко, но не слишком. Видимо, пункт про командование вне задач уже начал работать на уровне расстояния.

— Вы могли просто уйти после миллиона.

— Могла.

— Почему не ушли?

Я посмотрела на договор в руках.

— Потому что вы хотели купить моё молчание. А сегодня подписали моё право говорить. Разница существенная.

Он долго смотрел на меня.

— И всё же вы подписали.

— Потому что я хочу свою студию. Нормальные заказы. Команду. Возможность выбирать клиентов, а не хвататься за каждое мероприятие, где ведущую считают говорящей колонкой с помадой. И потому что я хорошо делаю свою работу, Волков. Даже когда заказчик бесит.

Уголок его губ снова дрогнул.

— Взаимно.

— Вы хорошо делаете мою работу?

— Вы бесите.

— А. Тогда взаимно.

Я вышла из переговорной с договором, Лерой и ощущением, что моя жизнь окончательно подписала дополнительное соглашение с хаосом.

У лифта Лера схватила меня за локоть.

— Варя, ты понимаешь, что через три дня будешь изображать романтический уикенд с мужчиной, которому вчера сказала идти лесом?

— Конечно.

— И тебя это не волнует?

— Очень волнует. Но я профессионал.

— Нет. Ты женщина, которая слишком часто смотрит на его руки.

— Лера!

— Я менеджер. Я обязана замечать риски.

Двери лифта открылись.

Я вошла внутрь, прижимая договор к груди.

Телефон пискнул.

Сообщение от Марка:

“Отдельное соглашение по съёмке пришлём сегодня. И да, плед не обязателен”.

Я не успела ответить, потому что следом пришло второе:

“Но, по словам Инги, аудитория будет разочарована”.

Лера прочитала через плечо и медленно произнесла:

— Всё. Он учится шутить. Беги, пока не поздно.

Я посмотрела на экран, на свою подпись в договоре и на отражение в зеркальной стене лифта: пышная женщина в зелёном платье, которая вчера стала мемом, сегодня подписала контракт, а через три дня должна была изображать идеальную пару выходного дня с невыносимым боссом.

— Поздно, — сказала я.

И впервые за всё утро не была уверена, что говорю только о контракте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.